

Марк Луи Коссидьер *
(18.05.1808 - 27.01.1861)

КАНУН РЕВОЛЮЦИИ

Приведено по:

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА ВО ФРАНЦИИ (февраль—июнь)

в воспоминаниях участников и современников

Серия «ИНОСТРАННЫЕ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ»

Подбор, перевод, статья и комментарии Е.Смирнова

Москва—Ленинград: ACADEMIA. 1934. С.47-78.

В комментариях приведены также свидетельства *Шарля Белэ* о событиях на бульваре Капуцинов и программа, составленная *Луи Бланом* и опубликованная накануне Февральской революции в «Reforme».

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://www.diary.ru/~vive-liberta/) и [Век Просвещения](http://www.diary.ru/~vive-liberta/), 2010. Порядок комментариев Е.Смирнова изменен по сравнению с оригиналом. Дореформенная орфография сохранена. Дополнительные ссылки добавлены нами. Другие фрагменты сборника можно скачать в библиотеке или сообществе [Vive Liberta](http://www.diary.ru/~vive-liberta/): <http://www.diary.ru/~vive-liberta/>

До 1847 года королевская власть, казалось, все более и более укреплялась, и поверхностные люди считали ее прочно установленной во Франции. С внешней стороны ей все удавалось — и в области ее политических стремлений, и в области династических интересов. За исключением одного удара судьбы, внезапно унесшей дофина младшей ветви, наследника престола, ход событий почти не выдвигал никаких помех ни планам, ни благополучию престарелого монарха, которому придворные льстецы, упреждая историю, уже давали самые громкие прозвания. А его министры, как показывают найденные в феврале любопытные письма, доходили до того, что даже ставили его выше Людовика XIV и Наполеона!

И «система», как тогда говорили, расширяла свой размах и

* Коссидьер - революционер, мелкобуржуазный демократ. По профессии торговый служащий шелкоткацких фабрик. За участие в Лионском восстании 1834 был приговорен к 20-летнему тюремному заключению. Освобожденный по амнистии 1837, примкнул к левым республиканцам, группировавшимся вокруг газеты «La Réforme». Принял активное участие в февральской революции 1848, был назначен префектом полиции. Во время демонстрации 15 мая держался выжидательной тактики. Высказывался против Июньского восстания 1848. После прихода к власти (28 июня 1848) контрреволюционных сил во главе с генералом Кавеньяком, в авг. 1848 бежал в Великобританию, некоторое время жил также в США. В марте 1849 Верховный суд в Бурже по ложному обвинению Коссидьера в участии в народной демонстрации 15 мая 1848 заочно приговорил его к ссылке. Только незадолго до смерти Коссидьер смог вернуться во Францию по амнистии. Соч.: Mémoires de Caussidière, ex-préfet de police et représentant du peuple, v.1-2, P., 1849. (В.А.Дунаевский; добавлено ред. *Vive Liberta*)

даже не давала себе труда скрывать свои намерения. Бесстыдство и наглость заняли место лицемерия и хитрости, практиковавшихся в течение пятнадцати лет.

Во внешней политике интересы династии занимали первое место во всех переговорах и, благодаря эгоистическому кумовству, облегчали дипломатии самодержавных государств ее наскоки на слабые национальности. Дабы добиться возможности осуществить испанские браки, принесшие Орлеанам тридцать миллионов деньгами и надежду получить корону, дали северным державам стереть последние следы польского государства, а в Швейцарии поддерживали иезуитов Зондербунда**.

В области внутренней политики король сосредоточил всю государственную власть в руках своей семьи и заранее распределил между своими сыновьями управление Францией. Будущего регента он превратил в какого-то коннетабля, главнокомандующего всеми армиями; принца Омальского он назначил вице-королем в Алжире, превращенном как бы в ленное владение; принц Жуанвильский сделан старшим адмиралом, командующим всем флотом; принц Монпансье стал старшим канониром, командующим артиллерией в своей Венсенской цитадели — этом арсенале, оборудованном всем необходимым для надобностей фортификаций. Захватив таким образом всю военную мощь страны, королевская власть воображала, что будет в состоянии распоряжаться судьбами французского народа.

И в то же время двор, министры, чиновники и аристократы истощали финансовые ресурсы страны. Дворцовое ведомство разоряло государственные поместья и хищнически вырубало государственные леса. Государственный бюджет распухал, дабы можно было удовлетворять алчные вождения всех служителей королевской власти, и по «Красной книге» мы могли увидеть, как маркизы, послы, генералы, графини и миллионеры делили между собой так называемые «секретные суммы». Места, поставки, постройка общественных зданий — все служило предлогом для постыдного взяточничества, и эта продажность, начинавшаяся в кабинете министров, излучалась во всех ведомствах и останавливалась только на самых низших ступенях политической иерархии. Скандальнейшие назначения, захват должностей привилегированными семьями и нечто вроде поддерживаемой властями наследственности высших выборных функций — все

** Sonderbundskrieg — война объединившихся в 1847 г. семи католических кантонов Швейцарии против федерального правительства, окончившаяся поражением восставших, после чего их союз распался. *Прим.перев.*

питало в правительственных кругах подкупность и низменные вождения.

Принцы возродили пагубные нравы времен Регентства^{***} и Директории. Каждый из них окружал себя двором каверзников и бессовестных плутов. В Шантильи и в Компьене устраивались пышные охоты и скачки. Дни проводились в разврате, а ночи — в азартных играх. Венецианские празднества устраивались даже на территории Канонвилля, воздвигнутого для стрельбы картечью.

А на следующий день все сыновья короля шли исповедываться в церковь св.Роха с ханжами старого режима. Ибо лицемерие совмещалось у них с распущенностью, и фиглярство старого культа никогда внешне не пользовалось таким успехом, как в это время общего разложения. Молодежь Сен-Жерменского предместья, подражая двору, толпилась вокруг проповедников и иезуитов, и Париж, к своему большому удивлению, снова увидел монахов всех цветов, претендующих на роль исповедников женщин, руководителей мужчин и воспитателей детей.

Депутаты спекулировали своими политическими мандатами. Пэры Франции возглавляли биржевую спекуляцию. Банкиры монополизировали повременную печать, ряды которой уже сильно поредели под ударами сентябрьских законов^{****}. Королевский еврей и король евреев обеспечил себе поддержку главных

повременных изданий, и голос журналистов был заглушен, равно как и голос членов представительных учреждений.

Поэтому все высшие классы, не опасаясь суда общественного мнения, отдавались, под влиянием развращенности монархического строя, одной лишь болезненной страсти — стяжания.

Между тем Франция страдала в самых глубоких своих жизненных основах. Страна энтузиазма и великодушных порывов, поколебленная в своих навыках, насилюемая в нормальных проявлениях жизни великой нации, не могла долго покоряться такому губительному угнетению, и сам рок, казалось, решил положить этому конец.

Болезнь вдруг прорвалась наружу и захватила даже тех, кто рассчитывал использовать ее в своих интересах. Ужасный финансовый кризис, надвигающееся разорение всех отраслей промышленности потрясли капиталистов, спекулянтов, промышленников и торговцев.

В результате бешеной спекуляции железнодорожными акциями, возродившей безумия времен Ло в улице Кенканпуа, некоторые финансовые магнаты сколотили миллионы, но почти все банки и менялы и все ослепленные, неосторожно заблудившиеся в этом Бондийском лесу, были свалены в одну кучу, одни на других. Наряду с двумя или тремя директорами Северной железнодорожной компании, удвоившими свои капиталы, и принцессой Аделаидой, приобретшей, как говорят, двадцать миллионов, все остальные спекулянты железнодорожными акциями были — одни раньше, другие позже — разорены отсрочками платежей и падением курсов. Даже провинция жестоко пострадала в этой игре: Лион понес сильные потери, исчислявшиеся в пятьдесят миллионов; Бордо, Альби и некоторые другие южные города оказались не в состоянии расплачиваться по своим обязательствам. Обращение бумажных денег было почти приостановлено, и банкротства в Париже влекли за собою банкротства в провинции.

Во всех крупных центрах торговой деятельности наблюдалась заминка. На фабриках в Лионе, Ниме, Вьенне, Мюльгаузене, Рубэ, Руане и других городах росли запасы, без сбыта внутри страны — в виду общего обеднения, без возможности вывоза — в виду иностранной конкуренции, поддерживаемой таможенными тарифами. Многие промышленные города оказались даже вынужденными приостановить производство некоторых продуктов и закрыть убыточные предприятия. А между тем, несмотря на этот давнишний, хотя и скрытый кризис, многие эксплуататоры, мечтая

^{***} «Времена регентства». Имеется в виду период с 1715 по 1723 год, когда регентом при малолетнем Людовике XV был Филипп Орлеанский, и после долгого царствования Людовика XIV, доведшего до крайних пределов абсолютизм, наступил разгул продажности, спекуляций и безудержного разврата. *Прим.перев.*

^{****} «Сентябрьские законы». Когда рабочий класс и мелкая буржуазия увидели, как нагло их обманула финансовая и крупная промышленная буржуазия, захватившая всю власть в свои руки после революции 1830 года, страна покрылась сетью тайных обществ и произошел ряд восстаний. Правительство Луи-Филиппа ответило на это в 1834 году изданием закона об ассоциациях, которым имелось в виду отчасти совсем их уничтожить, отчасти подчинить их своему контролю, а позже, в сентябре того же года, издан был ряд постановлений, сильно ухудшивших положение печати; для того же, чтобы, по возможности, монополизировать ежедневные газеты в руках крупной буржуазии, их обязали вносить залог в сто тысяч франков, причем ответственный редактор газеты должен был владеть по крайней мере третьей частью залога. Новые законы должны были, как открыто заявляли министры, совершенно уничтожить печать карлистов (сторонников низложенного Карла X) и республиканцев. Смысл новых законов Гизо формулировал следующим образом: «Всеобщее и предупредительное устрашение — такова главная цель карательных законов. Нужно, чтобы все боялись, чтобы все опасались общества и его законов. Нужно глубокое и постоянное сознание, что существует верховная власть, всегда способная схватить и наказать... Кто ничего не боится, тот ничему не подчиняется». Сентябрьские законы далеко оставили за собою даже реакционные законы (ордоннансы) свергнутого в 1830 году Карла X. *Прим.перев.*

о фантастических богатствах, расширяли еще свои производства в размерах совершенно абсурдных по сравнению с промышленными потребностями и ростом населения и, следовательно, с вероятным спросом. И в результате эта слепая и безрассудная конкуренция вызвала снижение заработной платы рабочих, частые кризисы безработицы, обнищание трудящихся и разорение предпринимателей. Нищета для всех — для хозяев, как и для пролетариев.

Что же делали в это время банки во Франции? В противоположность самой цели своего учреждения они сокращали свои учетные операции и повышали свои учетные проценты, чтобы дать своим акционерам наживаться за счет снижения торговых оборотов и роста общественного бедствия.

Говорили даже, что вместо того, чтобы поддержать промышленность, торговлю и финансовые сделки, банки употребили часть своих капиталов на спекуляцию иностранным зерновым хлебом, которую они вели вместе с королевским двором. Ибо ко всем общественным бедствиям присоединились еще недород пшеницы и опасение голода. Подобно тому, как это было в 1788 году на подступах к первой революции, сбор хлеба был совсем ничтожный, и Франция принуждена была запасаться хлебом за границей. И из Франции уплыло безвозвратно около трехсот миллионов золотом. Спекулянты, разумеется, но преминули воспользоваться этим общественным бедствием. Едва только нагруженные хлебом корабли прибывали в наши южные порты, как начиналась игра на бирже этим хлебом, который доходил до потребителей лишь после того, как на нем наживался целый ряд спекулянтов. Рассказывают, что одно судно, прибывшее в Марсель в ноябре 1847 года, прошло через руки десяти перекупщиков. Цена на пшеницу разрослась таким образом в невероятных размерах, и в то же время землевладельцы и фермеры, обезумевшие от жажды чрезмерных барышей или от страха общего голода, укрывали свой хлеб в амбарах от потребителей.

Крайнее беспокойство, естественно, охватило различные местности провинции. Трудящиеся деревни и города приходили в ужас от нерадения и беззаботности властей в эти дни тяжкого кризиса. Беднота стала вскоре угрожать перекупщикам, и почти всеобщее волнение породило в ряде общин, в которых народ требовал хлеба, ужасающие столкновения. Правительство ответило штыками, судебными расправами, тюремными застенками и даже — увы! — казнями. Свои уже окровавленные руки монархия без зазрения совести залила свежей кровью

пролетариев Бюзансэ!^{*****}

Но провидение словно нарочито ниспослало новый ряд бедствий на старую монархию, которая в большей или меньшей мере несла за них ответственность. Наряду с неурожаем имели место наводнения на Луаре, вызванные отчасти истреблением лесов на ее берегах, отчасти плохим состоянием плотин и недостатком канализации; пронесся ряд крушений на железных дорогах, отданных в жертву алчности и нерадению частных предпринимателей; вспыхивали пожары, вызванные, может быть, нищетой или, как в Мурильоне, — как по крайней мере утверждали, — теми, кто заинтересован был в сокрытии расхищения государственных продовольственных запасов; в Париже, в других городах и даже на больших грунтовых дорогах воровские шайки злоумышляли против общественной безопасности, против жизни и собственности граждан. Среди бела дня убивали банковских менял в их собственных конторах, из-за каких-нибудь тридцати су ужокивали жалких возчиков, заснувших на своих телегах. Были самоубийства, была смерть от голода, были всевозможные преступления, свидетельствовавшие о падении нравов и национального благополучия под эгидой правительства привилегий, эгоизма и продажности.

А затем и более яркие показатели открыто осудили монархию и разорвали последние покрывала, скрывавшие в течение семнадцати лет ее преступную эксплуатацию французского народа. Одни да другими самые безобразные разоблачения, самые неожиданные факты приводили в оцепенение общественное мнение. Изнанка общества, каким его сделали король, его двор и аристократия, выступала во всей своей ужасающей наготы.

Министр, пэр Франции и миллионер были преданы суду и избалачены во взяточничестве; один князь был осужден за подлог; один адъютант регента был прогнан за мошенничество; один королевский посол покончил самоубийством при таинственных обстоятельствах, другой королевский посол зарезал бритвой своих детей; секретарь министра и пэр Франции продавали по высоким ценам государственные должности; в продовольственном, морском и военном ведомствах агенты короля расхищали государственные финансы и государственное имущество и совершали всякого рода другие мошенничества. А когда в стране начинали волноваться по этому поводу, министры нагло отрицали

^{*****} Бюзансэ — небольшой промышленный городок в департаменте Эндр, насчитывавший вместе с пригородами около 5 тысяч жителей, где было восстание буквально вымиравших от голода рабочих, вожди которых были гильотинированы. *Прим.перев.*

с парламентской трибуны эти факты, вскоре полностью подтверждавшиеся, однако, официальными расследованиями. Министерства стали центрами всяких постыдных сделок. Продавали театральные концессии и на вырученные суммы поддерживали бесстыдные газеты и распространяли при поддержке принцев безнравственную литературу. Обеими руками нахватывали отовсюду деньги и потом раздавали их в виде милостей, осуждавшихся всем, что было честного в стране. О высоких сановниках рассказывались многочисленные анекдоты — вплоть до внутренних разладов в королевской семье.

В то же время в трибуналах разбирались нашумевшие процессы, в которых в качестве обвиняемых фигурировали приближенные королевского дворца, фавориты принцев, участники дуэлей и оргий, вращавшиеся в кругу сомнительных греческих дворян со светскими манерами и великими пороками. И в этой галерее мелькали силуэты монархических именитостей, запутавшиеся в мошеннических проделках нотариусы, разные субъекты, имевшие на совести изнасилования и убийства, каторжники в желтых перчатках и воры, разукрашенные орденами.

Повсюду среди высших классов личная честность и честность политическая, святость семьи, чистая совесть приносились в жертву грубым инстинктам и господству материальных интересов превозносимых правителями. Повсюду — грабеж, лицемерие, ложь, скупость, воровство и даже убийства.

Был среди этих процессов один, который особенно жестоко задел королевский двор и аристократию. В нем фигурировал королевский министр, пэр Франции, который был приговорен к заточению. И вскоре после того рыцарь королевы, французский пэр, был осужден за убийство и сам покончил с собою с помощью яда, при содействии или во всяком случае попустительстве окружавших его, дабы благородному герцогу не отрубили головы на том же эшафоте, на котором погибли мученики Бюзансэ.

Таково было в 1847 году состояние монархического общества, которое реакционеры желали бы, несмотря на разразившуюся революцию, снова реставрировать.

Все эти ужасающие симптомы возвещали, однако, людям, сохранившим известную проницательность, что старый общественный строй рухнет и что Франции нужно возродиться. Эти бедствия, эти преступления, это измельчание французского характера разве не были указанием для французского народа и в то же время возмездием для королевской власти и для ослепленных классов, которые ее поддерживали? Чего недоставало еще, чтобы заклеить эту коварную и эгоистическую

политику, которую некоторые партии находили искусной политикой?

Королевский двор впал в состояние оцепенения, и в то время как возмездие сразило его словно удар молнии, в то время как народ умирал от голода, подруга престарелого Филиппа, которая часто руководила им на протяжении его долгого и извилистого жизненного пути, сестра короля, умерла 31 декабря в Тюильрийском дворце, из которого Орлеанам вскоре предстояло быть изгнанными навсегда.

Говорят, что король плакал над этим трупом. Он плакал также у смертного одра своего друга Талейрана.

* * *

Политическое положение Франции было столь же печальное и столь же опасное, как и ее моральное состояние. В течение ряда лет дело управления страной находилось в руках самых антипатичных людей страны. Первым министром был тот, который, говоря о рабстве народа, сказал: «Труд — это узда».

Младшая монархия обзавелась своим Полиньяком

Другие министры — и в особенности министр внутренних дел и министр юстиции — также обязаны были своим положением безусловной преданности личному режиму, а также проявленной ими способности поддерживать политику продажности и тирании. Один был известен своим громадным богатством, своим скептицизмом и ловкостью, с которой он руководил своим ведомством и мастерил избирательные дела; другой — свирепостью, с которой он преследовал печать и свободу, и изобретением «морального соучастия». Оба они, или все трое, не останавливались перед тем, чтобы приносить в жертву интересам режима национальное благополучие в области внутренней политики и национальное достоинство в области внешних сношений.

Политика стала жульничеством, ложью, предметом торговли, а Франция — лавочкой, в которой вели свою торговлю бесчестные люди. Все благородные чаяния, все разумные стремления были подавлены: закрывали любимые молодежью кафедры истории, литературы и философии, преследовали газеты и всех представителей независимой мысли, открыто демонстрировали и с парламентской трибуны, и в королевском дворце, и в подкупленных листках ненависть к народу и к революции.

Под влиянием всего этого все классы населения, издавна усыпленные, стали пробуждаться. Избиратели, буржуазия, промышленники и торговцы, капиталисты и собственники, дотеле поддерживавшие этот гнусный режим, увидели, наконец, что он истощает все источники общественного достояния и выгоден

только интриганам, прикармливаемым властью. По ряду признаков можно было догадываться о скрытой враждебности национальной гвардии, и можно было утверждать, что правительство не посмеет созвать ее на смотр. Династическая оппозиция^{*****} все более и более обособлялась от большинства и с каждым днем привлекала в свои ряды все больше старых консерваторов. Можно было видеть, как некоторые выдающиеся деятели обеих палат стали, неожиданно переменяв фронт, с крайней резкостью нападать на министерство и на королевский двор, которые они только недавно так горячо защищали. Правительство изолировало себя, таким образом, в своем эгоизме, и королевскому двору вскоре пришлось очутиться лицом к лицу с разочарованной «законной страной» и с народом, который всегда глухо протестовал против монархии и в душе своей лелеял мечту о воцарении свободы и справедливости, демократической и социальной республики.

Вслед за закрытием парламентской сессии 1847 года династическая оппозиция и комитеты, учрежденные для борьбы за избирательную реформу, объединились в публичной манифестации в Шато-Руж, где полторы тысячи граждан, депутатов, избирателей, журналистов, офицеров национальной гвардии приветствовали реформу и заклеили политику двора. Агитация распространилась вскоре по всей Франции и затем последовательно в большинстве департаментов организовали патриотические банкеты. Депутаты представляли на них отчеты о последней сессии и приносили с собою отклики охватившего Париж негодования. Со всех сторон население стекалось на эти митинги, на которых общее настроение выливалось в пока еще неопределенном стремлении к обновлению. Общественная совесть была, отомщена этим единоклубным энтузиазмом, и спустя несколько месяцев в стране создалась как бы тайная лига против ее притеснителей.

Но в этом великом политическом подъеме замечались, однако, два совершенно различных течения. Народная партия, которая оказала свою поддержку депутатам левой и которая вынуждена была выслушивать лицемерные тосты в честь короля и монархии, смешанные с тостами за суверенитет народа и за свободу, и партия республиканская, имевшая свои банкеты, своих ораторов, одерживавшая свои победы. В то время как г.Барро и его сторонники провозглашали в Бетюне и в других местах свою

верность конституционному королю, в то время как они эксплуатировали в интересах своей ненависти и своего корыстного честолюбия благородные порывы страны, — патриоты, дотоле едва представленные в палате депутатов и в повременной печати, встречали живые и широкие симпатии на севере, на востоке, на юге. В Лилле, в Дижоне, в Шалоне, в Тулузе, в Лиможе монархия была совершенно оттеснена сторонниками политической и даже социальной реформы. Над возродившимся либерализмом поднималась в свою очередь и проникалась справедливым сознанием своей силы великая партия французской традиции, свободы, равенства, братства, партия народной республики, которую мучили и преследовали в течение пятидесяти лет.

К моменту открытия новой сессии парламента королевский двор и министерство очутились, таким образом, пред лицом всей Франции, готовой к борьбе, исход которой тогда уже легко было предвидеть. Но королевская власть, обманутая семнадцатилетними успехами, продажным большинством обеих палат, лестью своих газет и своих приспешников, всем известной слабостью и неспособностью буржуазной оппозиции, вообразила, что она и на этот раз подавит настроение нации. Она не учла силы народных элементов, подхвативших в день решительной схватки трусливо покинутое прислужниками династии оружие и одним ударом разбивших всех врагов будущего.

Речь, которую открыта была парламентская сессия, имела смелость в оставшейся памятной фразе приписать «слепым» и «враждебными страстям напряженное волнение Франции и ее всеобщие протесты. Ничто, конечно, не соответствовало в большей мере действительности, и два указанных слова четко указали и династическую оппозицию, подготовлявшую бессознательно и против своей воли народную революцию, и республиканскую партию, всецело занятую стремлением ниспровергнуть монархию.

Трудно найти в истории более курьезные документы, чем те ответы, которые даны были королю в проектах адресов палаты пэров и палаты депутатов. Палата пэров говорила: «Шумные манифестации, в которых легкомысленно смешивались туманные идеи о реформах и прогрессе, враждебное отношение к нашей монархической конституции, превратные мнения о нашем общественном строе и отвратительные воспоминания посеяли в умах скорее беспокойство, нежели смуту. Правительству пришлось обратить на это внимание. Мы убеждены, что такие агитационные манифестации, терпимые в свободном режиме, бессильны поколебать общественный порядок. Да, государь, объединения высших властей государства, применения законов, общественного

^{*****} Династическая оппозиция, — «реформистская оппозиция», которая стояла за монархию, за сохранение династии Орлеанов, но требовала избирательной реформы и отставки министерства Гизо. *Прим.перев.*

разума достаточно для того, чтобы обеспечить спокойствие в стране, оздоровить заблудившиеся умы, рассеять бессмысленные мечтания. Те пятнадцать лет, в продолжение которых наше дорогое отечество наслаждалось, наконец, одновременно и порядком и свободой, были чем-то другим, нежели фазой наших революций. Этот период открывает собою длительную эру и оставит в наследие будущим поколениям сохранение хартии, благие деяния вашего царствования и славу вашего имени».

Палата депутатов с той же пронизательностью присовокупляла: «Государь, всецело отдаваясь с непоколебимым мужеством службе нашему отечеству, посвящая свою жизнь и жизнь ваших детей заботе о наших интересах и о нашем достоинстве, вы с каждым днем укрепляете здание, которое мы вместе с вами создали. Рассчитывайте на нашу поддержку в деле его охранения. Агитация, взбудоражившая враждебные страсти и безрассудные увлечения, затихнет пред лицом общественного разума, просвещенного нашими дебатами и проявлением всех правомерных воззрений. В конституционной монархии объединение всех высших властей государства преодолевает все помехи и дает возможность удовлетворять все моральные и материальные интересы страны. Этим единением, государь, мы сохраним общественный порядок и все его основы, обеспечим общественные свободы и их развитие. Наша хартия 1830 года, переданная нами следующим за нами поколениям как неприкосновенное достояние, обеспечит им самое драгоценное наследие, какое народы могут только получить, — союз порядка и свободы».

Месяц спустя это неприкосновенное достояние, это драгоценное наследие, которое предстояло передать будущим поколениям, унесено было бурей, и старый монарх позорно пал под бременем общественного презрения!

Самые резкие прения развернулись в обеих палатах вокруг приведенных красивых текстов гг. Баранта и Вите. В палате пэров, — чего совсем нельзя было предвидеть, — была произнесена речь, в которой реабилитировался конвент и клеймились тираны Европы; но адрес был принят большинством 144 голосов против 23. Итак, в этой палате великих знаменитостей и мудрых старцев, палате, учреждение каковой и ныне объявляется контр-революционерами необходимостью, нашлось 144 великих политика, приветствовавших благие деяния ненавистного царствования и провозгласивших его прочность. И это имело место 18 января!

В палате депутатов прения развернулись необычайно широко.

Право собраний отстаивалось с подлинным красноречием людьми, которые впоследствии сами уничтожили право собраний, право ассоциаций и закрыли клубы: г. Мари, которого обвиняли тогда в том, что он нападает на порядок, на семью, на собственность; г. Одилоном Барро, который такими словами начал свою речь: «Печально, тягостно, унижительно быть вынужденным в 1848 году, семнадцать лет спустя после Июльской революции, отстаивать против правительства, порожденного этой революцией, право, которым мы пользовались даже при Карле X»; г. Ледрю-Ролленом, который возводил право собраний к конституции 1791 года, а право ассоциаций — к моменту взятия Бастилии; г. Ламартином который попрекал власти в том, что они «затыкают руками полиции рот стране», как нынешние власти затыкают рот руками солдат.

Гг. Дюшатель и Эбер, со своей стороны, отвергали закономерность права собраний, как поступил г. Гизо в палате пэров. Ссылаясь на какой-то закон 1790 года, они заявляли, что отныне не допустят ни одного политического банкета. И династическая оппозиция не имела мужества ответить на этот вызов, обязавшись с высоты национальной трибуны осуществлять право, которое признано было всей нацией.

В результате этого торжественного словесного турнира право собраний было уничтожено, а те сто депутатов, что принимали участие в банкетной кампании, были объявлены безрассудными и врагами голосованием 223 консерваторов — по специальному параграфу, и 241 консерватора — по ансамблю адреса королю.

Однако вопрос все же оставался открытым. Ибо наряду с вопросом права оставался вопрос факта, который большинство палаты, с одной стороны, и нация — с другой — разрешили в столь противоположном смысле. Банкетная кампания должна была закончиться большим банкетом, который должен был состояться в двенадцатом округе Парижа под покровительством депутатов.

День устройства банкета был назначен еще до парламентских прений, но префект полиции банкет запретил, и в ответ на интерpellации в обеих палатах министр заявил, что он берет на себя ответственность за это запрещение и банкет не состоится.

Заклейменные сто депутатов, за исключением одного, в отставку не подали и ограничились тем, что обещали свое участие в банкете двенадцатого округа. Ибо комиссия по организации банкета, состоявшая из избирателей и журналистов, продолжала настаивать на своем решении провести эту общественную манифестацию. Но обе стороны — как правительство, так и династическую оппозицию — стал пробирать страх. Министерство

охотно пошло бы на некоторые уступки, но члены комиссии из лагеря роялистов внезапно изменили характер банкета, назначив его в частном доме, за пределами двенадцатого округа, отобрав назад уже проданные билеты, ограничив число участников банкета и удвоив цену новых билетов. Нашелся даже парижский депутат, предложивший произнести тост в честь короля! Они надеялись таким образом избавиться от угроз правительства и заменить народные элементы элементами аристократическими. Больше того. Был даже момент, когда министерство и династическая оппозиция столковались разыграть небольшую комедию, чтобы спасти честь обоих лагерей и дать видимость удовлетворения общественному мнению. Комиссар полиции, протокол, протест г-на Одилона Барро, а затем — судебный процесс, выступления нескольких адвокатов, — таков был разработанный план, который вскоре был, однако, сильно изменен разразившимися событиями.

Банкет назначенный на воскресенье 20 февраля, был опять, в виду новых колебаний депутатов, отложен до вторника 22 февраля. Вторично попытались повести кое-какие переговоры, чтобы добиться отставки министерства Гизо ценою отказа от объявленной манифестации. Но в решительный момент власти снова осмелели. Они считали себя в силах круто расправиться с движением и придворные газеты еще решительнее стали нападать на все свободы. В то же время теснее сгруппировали вокруг короля его верных служителей: гг. Бюжо, Моле, де Броя и Монталиве. Герцог Немурский ухаживал за офицерами армии. Министр внутренних дел подстегивал своих чиновников и агентов. Все было подготовлено для расправы.

Париж и провинция взирали на эти приготовления и на надвигавшийся кризис, которому предстояло, быть может, решить судьбу монархии. В большинстве провинциальных городов также решено было устроить банкеты 22 февраля. В этих городах избраны были делегаты, которые должны были явиться их представителями на парижском банкете. Ответственность за все возможные события ложилась целиком на династическую оппозицию.

В понедельник, 21 февраля, независимые газеты опубликовали манифест комиссии по организации банкета, в котором выяснялось значение проводимого большого мирного протеста и устанавливался порядок манифестации. Девяносто три депутата, три пэра Франции, члены судебных учреждений, офицеры национальной гвардии, члены генерального совета, центральный комитет оппозиционных избирателей, большое число журналистов, делегаты департаментов, юридический факультет и

медицинский факультет, согласившиеся участвовать в банкете, должны были собраться к одиннадцати часам утра на площади Магдалины и построиться в торжественный кортеж.

На заседании палаты депутатов Одилон Барро робко интерpellирует министерство. Он низводит вопрос права к административному и полицейскому вопросу. Он дезавуирует опубликованный утром манифест, и Дюшатель, ободренный этой трусливостью оппозиции, вызывающе заявляет, что банкет не будет допущен и что приняты меры, чтобы обеспечить сохранение порядка. Все поняли тогда, что династическая оппозиция побеждена.

И действительно, вечером стены Парижа покрылись официальными афишами, которые заключали в себе: приказ генерала Жакмино национальной гвардий, предписывавший воздержаться от участия в манифестации; ордоннанс 1831 года, воспрещавший всякие сборища на улицах; прокламацию префекта полиции с постановлением, формально запрещающим устройство собрания и банкета.

Эти плакаты ненавистной власти вызвали повсюду крайнее возбуждение. На всех перекрестках толпились сборища людей, желавших прочесть ордоннанс, воспрещавший всякие сборища. При свете факелов люди из народа и дети громко выкрикивали главные параграфы этих новых июльских ордоннансов. Общественное мнение разгорячалось от этой бессмысленной провокации, и тысячи граждан черпали в ней готовность к сопротивлению. В это же время династическая оппозиция совершала свою постыдную измену. Призвав все силы страны на этот патриотический бой, она сама дезертировала, испугавшись угроз министерства и полиции и отступив пред непреклонной волей двора. В десять часов вечера, на квартире у великого агитатора Барро, составлен был новый манифест, который останется памятным в истории как суровый приговор этой династической партии, бездарной и подлой, всегда служившей в руках королевской власти гибельным орудием для отечества.

В этом документе, опубликованном на следующий день газетами, говорилось, что, так как правительство объявило о своем твердом решении силою воспротивиться всякому сборищу и всякой публичной демонстрации, оппозиция отказывается от предполагавшегося банкета, дабы не навлечь на граждан всех последствий борьбы, столь гибельной для порядка и для свободы. Отсрочивая таким образом пользование правом собраний, династические депутаты совершают великий акт умеренности и человеколюбия.

Положение значительно упрощалось этим отступлением династической оппозиции. Отныне народ один оставался лицом к лицу с монархией.

В то время как монархия пыталась утратить своих противников, все революционные элементы кипели в Париже.

Даже в рядах оторопевшей династической оппозиции нашлось несколько депутатов, которые твердо решили поддержать протест. На ночном собрании, происходившем у Ламартина, из шестидесяти присутствовавших, четырнадцать депутатов и пэров Франции заявили, что решили пойти на банкет, несмотря на запрещение, и уступят только штыкам. Нечего говорить, что на следующий день их никто на поле битвы не видел. К тому же, так как организационная комиссия, г.Барро и главные зачинщики воздержались, не было больше центра, вокруг которого можно было группироваться. Место центра заняла случайная толпа, граждане без официального положения, — и право, как и исход борьбы, были покинута на волю судьбы.

Между тем народная партия и часть среднего класса, совесть которых возмущалась продажностью правящих, решили принять вызов династической оппозиции. Тайные общества, предместья, обе тогдашние республиканские газеты «Reforme» и «National»^{*****},

***** «La Reforme» («Реформа») — газета радикально настроенной белкой буржуазии, основанная в 1843 году Ледрю-Ролленом, Годфруа Кавеньяком и Флоконом (последний был ее главным редактором). Газета ставила себе целью низвержение династии Орлеанов и установление демократической республики. Она насчитывала среди своих главных сотрудников Франсуа и Этьена Араго, Паскаля Дюпра, Динара и Луи Блана, который незадолго до Февральской революции провел на редакционном заседании радикальную программу с сильным социалистическим уклоном. В ноябре 1847 г. Энгельс поместил в «Реформе» три корреспонденции из Англии о чартистском движении, а в марте 1848 г. Маркс напечатал в ней письмо в редакцию, в котором рассказал о возмутительных подробностях своей высылки и высылки жены из Брюсселя. Но Маркс и Энгельс были не очень высокого мнения об этой газете. В памфлете «Великие люди эмиграции» («Архив Маркса и Энгельса», V, стр.331) о ней говорится: «Выходившая в Париже до революции «Reforme» была самой бездарной, невежественной и скучной газетой во Франции».

Незадолго до Февральской революции Луи Бланом была написана и редакцией газеты «Reforme» («Реформа») принята следующая программа:

«Все люди — братья.

Там, где не существует равенства, свобода является ложью. Общество может существовать лишь при неравенстве способностей и разнообразии функций. Но высшие способности не должны давать более обширных прав; они налагают лишь более обширные обязанности.

В этом основной принцип равенства. Его необходимая форма-ассоциация.

Конечная цель ассоциации — удовлетворение интеллектуальных, моральных и материальных нужд всех через применение их различных способностей и объединение их усилий.

группы патриотов в различных округах Парижа вели переговоры о том, какой тактики держаться на следующий день, чтобы достойно ответить на провокацию министерства.

Тайные общества продолжали существовать даже после поражения 12 мая 1838 г.^{*****} Это франкмасонство преданных солдат сохранилось, почти не приобретая новых членов, до 1846 года. Приказы, печатавшиеся в Брюсселе, а иногда тайно

Трудящиеся были рабами, были крепостными, в настоящее время они — наемные рабочие. Неясно стремиться к тому, чтобы сделать их ассоциированными (членами товариществ).

Это может быть достигнуто лишь воздействием демократической власти.

Демократическая власть — это власть, имеющая своим основным принципом суверенитет народа, происходящая от всеобщего голосования и ставящая себе целью осуществление формулы: свобода, равенство, братство.

В хорошо построенной демократии правители являются лишь уполномоченными народа; они должны поэтому быть ответственными и сменяемыми. Государственные функции — не почетные отличия, они не должны быть привилегиями; они — обязанность.

Так как все граждане имеют одинаковое право соревноваться за избрание уполномоченными народа и на составление законов, необходимо, дабы это юридическое равенство не было иллюзорным, чтобы государственные функции оплачивались.

Закон — это воля народа, формулированная его уполномоченными. Все обязаны повиноваться закону, но все имеют право публично критиковать его, дабы его можно было изменить, если он несостоятелен.

Свобода печати должна быть утверждена и освящена как гарантия исправления возможных ошибок большинства и как орудие духовного прогресса человечества.

Просвещение граждан должно быть всеобщее и безвозмездное. Оно должно осуществляться государством.

Каждый гражданин должен проходить военное обучение. Никто не может освобождаться путем денежных взносов от обязанности участвовать в обороне своей страны.

На государстве лежит обязанность проведения такого преобразования промышленности, которое способствовало бы поднятию трудящихся из положения наемников на положение ассоциированных.

В ассоциациях необходимо заменить частный кредит кредитом государственным. Пока пролетарии не достигнут полного освобождения, государство должно быть банкиром бедных.

Трудящийся имеет такое же право, как и солдат, на признательность государства. Сильным и здоровым гражданам государство обязано давать работу, старцам и калекам — помощь и поддержку».

(Daniel Stern, Приложения к I тому).

«National» («Националь») — газета, основанная в начале 1830 г., при участии Тьера, Минье, Карреля и др. Играла видную роль в Революции 1830 года. В дальнейшем проделала ту же эволюцию, которую проделала буржуазия. Либеральная и республиканская в борьбе с Гизо, стала реакционной после Февральской революции. *Прим.перев/*

***** Повидимому - опечатка. Последнее потерпевшее поражение восстание происходило в мае 1839, а не 1838 года. *Прим.перев.*

выпускаявшиеся парижскими наборщиками, поддерживали революционное настроение их сторонников. Но частый выпуск таких прокламаций, раньше или позже попадавших в руки полиции, связан был с большим риском. Сношения членов между собою и с вождями были поэтому весьма ограничены. Но в 1846 году тайные общества реорганизовались и могли проявлять некоторую инициативу.

Париж был центром, к которому тяготели разные разветвления, охватывавшие провинциальные города. Как в Париже, так и в департаментах господствовало одно и то же настроение среди активных членов, интересовавшихся больше революционным действием, нежели социальными теориями. В их среде больше говорили о ружьях, чем о коммунизме, и единственным произведением, единодушно всеми признаваемым, была робеспьеровская «Декларация прав человека».

Тайные общества обладали реальной мощью среди рабочего населения, которое располагало в их лице своим авангардом, определенной дисциплинированной силой, всегда готовой к действию. Ни одно политическое волнение не происходило без их содействия, и на февральских баррикадах они были в первых рядах.

Вечером 21 февраля они решили отправиться на следующий день на место сбора, без оружия и небольшими группами, чтобы следить за ходом событий и, если обстоятельства позволят, вызвать движение против монархии.

Собранием, имевшим наибольшее влияние на дальнейший ход событий, оказалось то, что состоялось в понедельник вечером в редакции газеты «Reforme». Около сотни граждан испытанных убеждений и решительно настроенных горячо обсуждали там, какие шансы имеются на то, чтобы вызвать революцию. Там были Флокон, Ожье, Бон и другие члены редакции «Reforme»; Коссидьер и несколько представителей тайных обществ; Луи Блан, Торе и несколько журналистов того же направления; сотрудники «Impartial du Nord», («Беспартийный Северного департамента»), «Haro de Caen» («Канский окрик») и другие провинциальные журналисты; Лагранж, Рей, Альбер и много других решительных конспираторов и людей, пользующихся, большой известностью в парижских районах.

Около десяти часов Альтон-Ше и Ледрю-Роллен вернулись с собрания, состоявшегося у Ламартина, и сообщили о принятых там решениях.

Заседание прошло весьма оживленно. Одни ограничивались

энергичными протестами против министерства короля, между тем как другие требовали приготовиться к тому, чтобы против насилия выступить вооруженною силою. Последние утверждали, что инсurreкция неизбежна, что сто тысяч человек, решительно настроенных, выйдут на следующий день на улицы и что нельзя упустить такой благоприятный случай. Первые же опасались поражения, которым правительство несомненно воспользуется, чтобы новыми репрессивными законами уничтожить в будущем всякую возможность собираться, всякую свободу печати и пропаганды и то немногое, что еще осталось от гражданских прав и средств к борьбе за освобождение.

Однако все же решено было пойти на следующий день поодиночке, держа руки в карманах, на площадь Магдалины, чтобы наблюдать за тем, что будет происходить, и толкать общественное мнение против королевской власти. В случае, если завяжется борьба, постановлено было собраться в редакции «Reforme», чтобы энергично координировать движение и придать ему республиканский характер.

В редакцию «National» в течение всего дня стекались процессии граждан, приходивших спрашивать указаний и лозунгов. Но «National», как всегда, не решался отделиться от части левой и от династической оппозиции, с извивающейся политикой которой он почти солидаризировался, в особенности в последнее время. Хотя он искренне желал установления некоей номинальной республики, обманчивую видимость которой его сотрудники проводят в настоящее время в сотрудничестве с бывшими министра Луи-Филиппа, однако он отказывался от всякой ренистра демонстрации. Охватившее страну настроение казалось ему достаточным, чтобы свалить министерство Гизо и проучить короля и придворных, но у него не было ни надежды, ни желания довести Париж до восстания, до ниспровержения трона, до восстановления демократии.

Однако окружавшие «National» республиканская буржуазия, офицеры национальной гвардии, представители промышленности и торговли, ущемленные гибельным режимом, раздраженные наглостью двора, разделяли возбуждение народа, и до полуночи улицы и бульвары усеяны были толпившимися группами. Революция носилась в воздухе. Необычайный энтузиазм горел во всех сердцах. Ораторы в блузах поднимались на тумбы и металы молнии в грозные толпы. Все предвещало бурю на следующий день.

И действительно, на следующий день, во вторник, уже с десяти часов утра огромные массы стали со всех сторон стекаться

на площадь Магдалины и заняли часть бульваров и прилегающие улицы. Еще не было двенадцати часов, а уже свыше пятидесяти тысяч мужчин, женщин и детей заполнили всю окружающую местность вплоть до самой площади Согласия, беспрестанно испуская восклицания: «Да здравствует реформа! Долой Гизо!» Поджидали появления хоть кого-нибудь из пресловутых реформистов и банкетных агитаторов. До последнего момента народ надеялся, что депутаты династической оппозиции устыдятся и придут прикрыть своей неприкосновенностью собравшиеся массы, поднятые на ноги их красивыми речами. Вызывало удивление и то, что власти не приняли возвещенных накануне военных мер, — движение народа происходило совершенно свободно в квартале собора Магдалины, и там не видно было ни одного солдатского мундира. По коварному обыкновению деспотических правительств, министерство давало движению разрастись, в уверенности, что затем оно подавит его и воспользуется этим для дальнейшего усиления реакции.

Наконец, видя, что никто не появляется — ни депутаты, ни члены организационной комиссии двенадцатого округа — и не зная даже в точности, в каком помещении назначен банкет, толпа отправилась к мосту Согласия. Часть толпы, предводительствуемая студентами и рабочими, открыла шествие под пение марсельезы, собираясь демонстративно пройти вдоль здания палаты депутатов, головная часть моста охранялась отрядом конных муниципальных стражников, человек около пятидесяти, которые пропустили шествие, и толпа рассыпалась вдоль Бурбонского дворца.

Ворота дворца оказались запертыми. Около сотни вездесущих галенов перелезли через решетки и проникли внутрь палаты, но, убедившись, что в зале заседаний еще никого нет, по требованию сторожей, перебрались обратно.

Однако тактика министерства удалась. Народ был заманен в западню и окружен.

Вскоре со всех сторон показываются войска. Драгуны и муниципальные стражники отесняют собравшиеся группы по ту сторону моста, полк стрелков выстраивается перед палатой депутатов, а линейный полк загораживает все соседние улицы. Набережные до самого Дома инвалидов заняты сильными войсковыми резервами с готовой к действию артиллерией.

В то же время кавалерия очищает площадь Согласия и улицы Магдалины и Сент-Оноре. На ни в чем не повинных прохожих, женщин и национальных гвардейцев сыплются сабельные удары.

Муниципальные стражники мчатся галопом под арками на улице Риволи и на улице Мира. А некоторые из них пробираются

почти к подъездам домов. На улице Мира один из высших офицеров муниципальной гвардии, налетевший на толпу о обнаженной саблей, схвачен, обезоружен, но вскоре освобожден своими солдатами, разгоняющими собравшихся прикладами и штыками.

Депутаты молча проходят мимо этих возмутительных сцен, направляясь в палату. Некоторых из них узнают. Их спрашивают. Они отвечают, что сейчас предадут министерство суду. Предать суду при этом продажном большинстве, объявившем их безрассудными и врагами! В направлении Елисейских полей стычки между войсками и народом продолжались в течение нескольких часов. Было несколько жертв, раздавленных под копытами лошадей или приколотых штыками. В ряды солдат бросали камнями, ломали уличные фонари; сожгли стоявшее особняком караульное помещение; нагромождали стулья, доски, вырытые деревья, начинали строить баррикады. На углу здания морского министерства вырвали железные решетки и баррикадировали улицу св. Флорентина. Войска с таким усердием исполняли свое дело, что на улице Сент-Оноре уже пришлось организовать приемный покой, куда свозили раненых. Говорили о двух убитых женщинах и большом количестве тяжело раненых.

В общем, население до этого момента вело себя спокойно и сдержанно, но волнение охватывало Париж и восстание разрасталось. У Политехнической школы муниципальные гвардейцы набрасываются на собравшуюся сотню рабочих. Около четырех часов взламываются оружейный магазин Лепажя и несколько оружейных лавок. Во многих кварталах пролетарии возводят баррикады и берутся за ружья. В пять часов раздается разных улицах барабанный бой, но национальная гвардия не откликается на этот сигнал к сбору. Одни лишь муниципальные гвардейцы и кавалерия бороздят большие артерии города, избивая толпящиеся на тротуарах группы, но не нападая на баррикады. Монархия, еще более безрассудная, чей династическая оппозиция, хотела, повидимому, довести беспорядок до размеров серьезной опасности. Могла ли она предполагать, что кризис, который она спровоцировала, обернется в революцию?

Между тем вечером вспыхнула первая кровавая стычка между улицей Сен-Дени и улицей Сен-Мартен. Завязалась также перестрелка. На улицах Транонен и Бург-Лаббе, укрепленных камнями с мостовой и тележками. Но у народа еще не было снарядов, и баррикада на Бург-Лаббе была взята войсками около полуночи.

На следующий день Париж принял гораздо более грозный вид.

Особенное удивление вызывали смелость министерства и упорство двора. Ненависть к Гизо и Дюшателю напоминала ненависть 1830 года к Полиньяку и Перонне. Все классы нации сознавали, что им нужно объединить свои усилия, чтобы разбить орудия личного режима, и республиканцы, желавшие восстановить более отдаленное прошлое, нашли себе временных помощников в лице национальной гвардии, буржуазии, цензитарных избирателей и «законной страны», на которую опиралась монархия.

Поэтому продолжали, главным образом в народных кварталах, организовывать сопротивление, с твердым решением не уступить королю. Барабанный бой, призывавший к сбору, раздавался непрерывно. Национальная гвардия собиралась в мэриях и на площадях – но для того, чтобы восклицать: «Да здравствует реформа!» Ее отряды маршировали по улицам и пробирались между баррикадами, братаясь с народом. Третий легион прошел всю улицу Монмартр и бульвары, распевая марсельезу. Народ вмешивался в его ряды со знаменами и всяческими орудиями для борьбы. Наиболее активные патриоты рассеялись по всему Парижу, поддерживая агитацию. Уже поговаривали о том, что нужно разгромить Тюильрийский дворец.

Частичные схватки происходили в направлении улицы Сен-Мартен, городской ратуши и площади Бастилии, и можно было ожидать, что к вечеру завяжется общая борьба, как вдруг разнесся слух о падении министерства.

И действительно, Гизо, взойдя на трибуну в палате депутатов, сам подал в отставку. Личный режим был побежден.

Весь Париж охватила большая радость при вести об удалении Гизо, и династическая оппозиция уже ликовала, что добилась своей цели, не скомпрометировав себя перед королевским замком. Не следовало разве ему быть признательным за его покорность и отступление в минуту опасности? Барро и его друзья стали, таким образом, приемлемыми благодаря этому стечению обстоятельств, и Францией станут управлять они и Тьер, их вождь, бывший коллега Гизо, бывший верный слуга Луи-Филиппа.

Одни лишь республиканцы не были удовлетворены таким жалким результатом столь благородной и столь патриотической агитации. Они не только не мирились с простой отставкой продажного министерства, замещенного раболепными роялистами, но не отказывались от продолжения борьбы против монархии. Они сохранили и оружие свое, и свои надежды.

Но – увы! – в своем опьянении этим торжеством над ненавистными министерством Париж забыл свое недовольство королевским двором и монархическими учреждениями. Национальная

гвардия вместо штыков прикрепил цветы к дулам своих ружей. Население высыпало, как в праздничные дни, на расцветенные иллюминацией улицы. А Луи-Филипп, вероятно, утешался тем, что отделался простой сменой одних сообщников другими.

И вдруг радостный и сверкающий огнями город вздрогнул от частого треска ружей. То разразилась бойня на Бульваре Капуцинов. Мужчины, женщины и дети убиты были солдатчиной, неизвестно каким образом, безо всяких причин. Земля покрылась трупами и ранеными. Раненых перенесли в аптеки и в соседние дома. А трупы уложили на телеги, в которые впряглись люди и повезли их со скорбными восклицаниями до самых предместий. И кровь эта тотчас же потушила радостные огни. Иллюминированный Париж стал мрачным и грозным. Случай снова поднял революцию.

***** О сыгравшем решающую роль в Февральской революции обстреле отряда рабочих на бульваре Капуцинов, у министерства иностранных дел, рассказывает в своих «Воспоминаниях» («Mes souvenirs», pp.159–164), тогда умеренный республиканец, в 60-х годах ставший социалистом и примкнувший к I Интернационалу, впоследствии коммунар, Шарль Белэ.

«23 февраля, пред лицом поднимающейся волны народного мятежа, двор уступил, и падение министерства Гизо было возведено принято с искренней радостью, положившей конец начинавшемуся в Париже восстанию. Что предпримет Тьер? Об этом не задумывались, но все говорили себе, что он, разумеется, сделает что-нибудь для реформы, и население казалось удовлетворенным

Разделяя общее мнение, я вечером 23-го прошелся вдоль бульваров, чтобы присмотреться к физиономии Парижа, и пришел на улицу Курсель, где я должен был обедать у родственников моей жены. По пути я заметил, что у министерства иностранных дел выстроены войска. Впрочем, они не препятствовали свободному движению. Положение было слишком серьезно, чтобы мне не за» хотелось вечером снова побывать в этих местах. Поэтому пообедав второпях, я около восьми часов вернулся к министерству иностранных дел, где войска продолжали стоять.

Подойдя к зданию министерства, я увидел, что инструкции данные войскам, повидимому, были изменены. На бульвар перестали пропускать, нужно было проходить по нижней улице вдоль стены. Я пошел по этой улице и, дойдя до Шоссе д'Антен, увидел левого депутата Эрнеста Жирардена.

– Что нового? – спросил он, предлагая мне сигару.

– Я наблюдаю, – ответил я, – и бульвары мне кажутся слишком оживленными.

– О, я думаю, что все уляжется после сделанных уступок.

– Я тоже так думаю, но при условии, если будут действовать – и быстро.

– Что-нибудь должны будут сделать. Министерство Гизо стало нестерпимым.

В то время как мы обменивались впечатлениями, мимо нас проходил, направляясь в сторону собора Магдалины, отряд рабочих в сопровождении нескольких национальных гвардейцев, женщин и молодежи. Во главе кортежа, шедшего неправильными шеренгами, несли знамя и факелы. По обыкновению при этом распевали марсельезу. Никакого оружия мы не видели.

Мы с Эрнестом Жирарденом продолжали беседовать, как вдруг до нас отчетливо донесся сильный ружейный залп. Жирарден покинул меня и направился на улицу Бланш, а я быстро помчался на бульвар Капуцинов, откуда раздался залп. Едва успел я сделать несколько шагов, как в мою сторону ринулась беспорядочно бегущая толпа. Я пытался остановить некоторых беглецов, чтобы расспросить их о том, что произошло. Никакой возможности. Охваченная безумным ужасом, толпа неслась словно шквал. Я отступил вместе с нею до улицы Лепелетье, ничего не узнав, и поднялся в редакцию «National». Там я застал Дорнеса

* * *

Весь этот вечер, вся ночь с 23 на 24 февраля имели зловещий вид. Подготовка восстания производилась с необычайной энергией, молча, безо всякого вмешательства военной силы. Париж

..... в форме национального гвардейца и предложил ему пойти вместе, чтобы разузнать, что происходит. Дорнес согласился, и мы пошли.

Дойдя до улицы Мира, мы услышали стоны. Картина представилась нам раздирающая. Там и сям на бульваре лежали раненные, которых поднимали, чтобы оказать им первую помощь, и которые испускали ужасные крики. Мы прошли дальше по нижней улице вдоль стены, пробираясь к войску. Там я обратился к совсем юному прапорщику, только что, повидимому, вышедшему из Сен-сирской школы. Никакого ответа. Волнение, испуг захватили ему дыхание. Я вышел на шоссе и подошел к поручику, который также не мог мне ничего рассказать. Наконец, заметив подполковника 14-го полка, сидевшего на лошади на возвышении, я направился к нему.

— Полковник, — сказал я ему, — как могли вы дать приказ стрелять в безоружных граждан, когда борьба прекратилась уже во всем городе?

— Это злой рок, — ответил он, — и я в отчаянии. Я дал приказ скрестить штыки, вдруг какое-то ружье выстрелило, и другие солдаты открыли огонь. Я в отчаянии.

И все стоявшие подле нас офицеры казались также подавленными произошедшим.

— Это несчастье может повлечь за собою ужасающие последствия, — сказал я подполковнику. — Нужно разяснить, что произошло, и это немедленно должно стать известно всему Парижу. Пусть кто-нибудь из ваших офицеров отправится со мною, мы объясним все, и, может быть, нам удастся умерить возбуждение населения. Ручаюсь головой, что вашему офицеру не причинят никакого зла.

Вызвался поручик Байе, и мы отправились на бульвар Монмартр. Едва мы дошли до здания китайских бань, как к нам направились рассеявшиеся группы, и когда они увидели на кивере офицера значок 14-го полка, они с таким грозным видом двинулись на поручика, что мне с трудом удалось его прикрыть. Мы даже не могли заставить себя выслушать. Около кафе Тортона какой-то человек в блузе набросился на моего поручика с саблей в руке, и мне едва удалось отвести удар своим зонтом.

В этот момент по бульвару проходил 2-й легион национальной гвардии под командою моего друга Талабо. Я втокнул поручика в ряды легиона, а сам подошел к Талабо и поставил его в известность обо всем, что произошло.

— Пойдем со мною к командиру 14-го полка, — сказал он мне. — Оставайтесь на Шоссе д'Антен, — ответил я. — Лучше я один пойду к нему. Я скажу полковнику, что вы здесь, и принесу вам его ответ.

— Ступайте. Буду вас ждать. Нужно, чтоб его полк убрался возможно скорее.

Подхожу к подполковнику, и как только он видит меня одного, он спрашивает:

— А мой поручик?

— Полковник, он в безопасности в рядах 2-го легиона национальной гвардии неподалеку отсюда. Командиром 2-го легиона является один из моих друзей. Легион продвигается сюда и во избежание нового бедствия, я пришел вас спросить, как вы его примете.

— Есть ли в легионе офицер старше меня чином?

— Да, разумеется, есть.

— В таком случае пусть мне прикажут — я повинуюсь.

Я бегу к Талабо и передаю ему ответ подполковника. Талабо тотчас же идет к министерству и приказывает подполковнику увести своих солдат. Опасность столкновения устранена.

В этом месте мне удалось предупредить новое кровопролитие. Но залп у министерства иностранных дел вызвал в Париже страшное негодование, и когда я вернулся в свой квартал, около площади Вогезов, я увидел, что настроение в городе радикально изменилось. От затишья снова перешли к борьбе. Кровь, пролитая залпом в безоружную толпу, взывала к мести. Группы граждан, перебегая из одной улицы в другую, призывали к оружию. Во многих церквях били в набат. Баррикады воздвигались во всех парижских округах. В ту памятную ночь Париж воздвиг их свыше тысячи баррикад. Утром борьба возобновилась, и до десяти часов Луи-Филипп отправился в изгнание!

превратился в сплошной двор для построения баррикад от Гентского бульвара до площади Бастилии, от ворот Сен-Дени до Сены.

Восставший народ вышел на улицы со своими профессиональными инструментами, которые на следующий день должны были уступить место оружию. Подпиливали прекрасные деревья бульваров, выворачивали железные решетки памятников, газовые фонтаны, фонтаны и бараки, и все, чем можно было загородить улицы для войск.

На мостовые сваливали материалы строившихся здания — балки огромные глыбы камней, доски, тележки. И все это прикрывалось ужасающими стенами из камней мостовых. Повсюду слышны были только удары топоров и гул деревьев, которые, падая, ломали свои сухие ветви. Временами доносилось щелканье ружей, и раздавался треск выстрелов, терявшихся во мраке. И почти беспрестанно, точно монотонный аккомпанемент, гудел набат.

Вскоре баррикады были заняты, и поставлены были часовые. И вокруг искрившихся костров виднелись присевшие на корточки люди, отливавшие пули, спокойно попыхивая трубками, на этих своеобразных биваках, посреди великого города, вспаханного для посадки свободы.

Республиканцы, рабочие, тайные общества, все люди с благородными и любящими сердцами мужественно работали всю эту памятную ночь. Одни обходили баррикады и уже провозглашали низложение короля. Другие собирали снаряды и оружие. И повсюду — непоколебимая решимость и почти верная надежда завоевать, наконец, республику, за которую народ так много страдал.

С зарею Париж проснулся, таким образом, среди разгара инсurreкции, и равнодушные, те, что провели у себя дома тревожную ночь, должны были сильно удивиться нечеловеческой мощи трудящегося народа, который в несколько часов превратил изящный и благоустроенный город в несокрушимое поле сражения с нагроможденными деревьями, всякими обломками и украшениями.

Весь центр, Парижа принадлежал восстанию на территории по крайней мере квадратной мили — между улицей Монмартр и улицей Сент-Антуан, между набережной и бульварами. Проход через ворота Сен-Дени был закрыт огромнейшей баррикадой и главные входы в лагерь инсургентов были также защищены непроходимыми барьерами. В небольших улочках центра, каковы улицы Бобург, Гранснонен, Гравилье и другие, баррикады

следовали друг за другом почти через каждые десять шагов, и повстанцы с энтузиазмом готовились к бою в этом лабиринте небольших цитаделей, сообщавшихся между собою и с соседними домами. По экзальтации народа, обеспечившего таким образом свою неприступность, по крикам «Да здравствует республика!», издававшимися мужчинами, женщинами и детьми, можно было видеть, что революция будет доведена до победы, что это не больше как вопрос времени.

Тематические материалы

Луи Эритье. История французской революции 1848 г. и Второй республики

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>

Революция 1848 года: сборник статей, писем и стихов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_1.pdf

А.Молок. Июньские дни 1848 года в Париже

http://narod.ru/disk/21935671000/1848_4.pdf.html

Ф.Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830–1848 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_5.pdf

С.Сказкин, «Сорок восьмой год во Франции (февраль-июнь)

http://narod.ru/disk/21894969000/1848_3.pdf.html

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА: сб. статей

Е. Степанова. Маркс и Энгельс в первые месяцы революции 1848-49 годов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-1.pdf

А.Нарочницкий. Международные отношения от Февральской революции до лета 1848 г.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-2.pdf

Р.Авербух. Рабочее движение в Вене в августе 1848 года

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-3.pdf

Л.Бендрикова. Экономический кризис рабочее движение накануне Февральской революции во Франции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-4.pdf

А.Герцен. С того берега

http://www.filosofy.vuzlib.net/book_o016.html

П.Анненков

Февраль и март 1848 года в Париже

http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0050.shtml

Записки о революции 1848 года

http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0070.shtml

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhoz2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhoz3.pdf>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhoz_lit.doc

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина XIX в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В.Волгин. Этьен Кабе

http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Теодор Дезаму. Кодекс общности

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфантена, Родрига)

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть

<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Г.Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Ю.Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 гг. Глава II. Ранний период французского промышленного капитализма (1789–1848 гг.)

http://enlightment2005.narod.ru/arc/labor_kucz2.pdf

Дж.Рюде. Народные низы в истории: 1730-1848

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

А.Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в перв. пол. XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология

http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf

П.Фроман. Рабочее восстание в Лионе

http://narod.ru/disk/11658254000/lyon_from.pdf.html

Хронологическая таблица по курсу "История международного рабочего и национально-освободительного движения"

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/tablim.pdf>

Поль Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Ю.Данилин. Французская политическая поэзия XIX в.
http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html

С.Великовский. Поэты французских революция 1789-1848 гг.
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/poets_velikovski.pdf

Л.Блан. Глава IX (Философия) из книги «История французской революции»
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lblanc_rob.pdf

М.Домманже. Бланки
http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommang.pdf.html

М.Федорова. Классический французский либерализм
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81716006.htm>

Либерализм Запада. Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма
<http://narod.ru/disk/4366351000/libr3.doc.html>

М.Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.

Глава 4. Политические взгляды и историческая теория А.Токвиля: «Воспоминания». Токвиль о причинах революции 1848 г. во Франции. Февральская революция в освещении Токвиля. Токвиль о борьбе с революцией. Монархия или республика?

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hist_alptv.pdf

Д.Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69874420.htm>

О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX века

Глава 3. Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic3.pdf>

Глава 4. Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic4.pdf>

Глава 5. Французская революция 1848 года и освободительное движение в России

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic5.pdf>

Р.Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

http://enlightment2005.narod.ru/arc/hung_aver1-3.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hung_aver4-6.pdf

И.Майский. Испания 1808-1917: исторический очерк

Первая карлистская война и третья революция (1833–1843)
Диктатура генерала Нарваеса (1843–1854)
Экономика Испании в середине XIX века
http://enlightment2005.narod.ru/arc/espagna_mai2.pdf

История Ирландии
Глава VII. Ирландия в первой половине XIX в. (1801–1848 гг.)
Глава VIII. Аграрный переворот. Движение фениев
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/irin-all.pdf>

И.Полуяхтова. История итальянской литературы XIX в. Эпоха Рисорджименто
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

На страницах сводных ссылок - подборки материалов:

Ламартин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>
Луи Блан <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lblank>
Луи-Филипп <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#louis-ph>
Гизо <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#guizot>
Карл Маркс <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#marx>
и другие...